

Тяжба города Царевококшайска съ окольничимъ кн. В. Г. Ромодановскимъ изъ-за выгонной земли.

(Одинъ изъ случаевъ практическаго примѣненія Уложенія царя Алексѣя Михайловича).

Извѣстно, что многія обстоятельства, сложившіяся къ половинѣ XVII столѣтія, побудили правительство царя Алексѣя Михайловича приступить къ исправленію законодательства, уже давно устарѣвшаго, переставшаго соотвѣтствовать дѣйствительности, особенно рѣзко измѣнившей свою физіономію послѣ великой московской смуты. Сепаратные указы Михаила Ѳедоровича, хотя и стремились возстановить соотвѣтствіе между закономъ и жизнью, но они мало помогали дѣлу «строенія» земли, сильно расшатанной предшествовавшими событіями; притомъ же, нѣкоторыя явленія, несомнѣнно имѣвшія свое зарожденіе въ эпохѣ смуты, обнаружились во всей полнотѣ и рельефности,—а, слѣдовательно, и потребовали мѣръ противъ себя,—уже послѣ смерти перваго Романова.

Къ числу послѣднихъ принадлежитъ, между прочимъ, неудовлетворительное экономическое положеніе городского, посадскаго населенія, явившееся слѣдствіемъ слишкомъ тяжелой опеки властей и совершенно непосильной для него конкурренціи со стороны людей, не связанныхъ такимъ тяжелымъ тягломъ, какъ посадское, — со стороны многочисленныхъ привилегированныхъ лицъ, бѣломѣстцевъ, различныхъ «закладчиковъ» и проч. Требовалось, прежде всего, оградить посады отъ присутствія среди нихъ элементовъ, препятствовавшихъ развитію ихъ экономическаго благосостоянія, и вотъ новый законодательный кодексъ—Уложеніе—отводитъ цѣлую главу, спеціально предназначенную нормировать вопросъ о посадахъ и заключающую въ себѣ основы посадской организаціи, свободныя, по убѣжденію составителей, отъ прежнихъ отрицательныхъ факторовъ [1]. Факторы же эти были, дѣйствительно, многочисленны. Особенно давали себя чувствовать

[1]) Улож., гл. XIX—«о посадскихъ людѣхъ».

слободы, устроенныя патріархомъ и духовными властями, а также служилыми людьми—по близости посадовъ, на выгонной землѣ, и лишавшія обитателей ихъ этой необходимой принадлежности хозяйства. Не меньшее значеніе имѣло поселеніе между посадскими лицъ, занимавшихся торговлей и промыслами, но не принимавшихъ вмѣстѣ съ ними участія въ платежѣ повинностей и пользовавшихся, такимъ образомъ, въ сравненіи съ ними, болѣе выгодными условіями [1]). Все это должно было исчезнуть съ появленіемъ Уложенія: всѣ слободы предписывалось «взять за государя въ тягло» и, вообще, всѣхъ лицъ, содержащихъ себя торговлей и ремеслами,—за нѣкоторыми, точно указанными исключеніями, — велѣно было трактовать, какъ посадскихъ, т. е. обложить ихъ повинностями наравнѣ съ послѣдними; что касается городскихъ выгоновъ, то относительно Москвы размѣры выгонной земли опредѣлялись пространствомъ въ двѣ версты «на всѣ стороны отъ земляного города, ото рву», причемъ межеванье должно было быть произведено «новою саженью, которая сажень, по государеву указу, сдѣлана въ три аршина, а въ верстѣ учинити по тысячи саженъ», относительно же прочихъ городовъ эти размѣры опредѣлялись общею формулою:—«выгономъ быти въ городѣхъ по прежнему, какъ къ которому городу были выгоны при прежнихъ государѣхъ, а будетъ кто выгонною землею завладѣлъ, и тѣ выгонныя земли, по сыску, у тѣхъ людей взяти и отмежевати къ городомъ по прежнему» [2]).

Мы подошли къ весьма существенному и любопытному вопросу о примѣненіи Уложенія на практикѣ, о значеніи его, какъ средства, призваннаго

---

[1]) «А нынѣ де на Москвѣ и около Москвы и въ городѣхъ, гдѣ преже сего бывали животинные выгоны, устроены патріарши и монастырьскіе и боярскіе и иныхъ чиновъ слободы и пашни на государевѣ искони вѣчной на выгонной землѣ; да на Москвѣ же де и по городомъ патріарши и монастырьскіе и боярскіе и иныхъ чиновъ люди, ихъ крестьяне, покупили себѣ и въ заклады поимали тяглые дворы и лавки и погребы каменные, и торгуютъ всякими товары, и своею мочью и заступою откупаютъ на Москвѣ и по городомъ таможни и кабаки и всякіе откупы, и отъ того де они, служилые и тяглые люди, обѣдняли и одолжали неоплатными долги, а промысловъ своихъ многіе отбыли»—такими чертами рисовали картину современнаго состоянія посадовъ челобитчики въ петиціи, поданной на имя государя 30 окт. 1648 г.; въ качествѣ примѣра, иллюстраціи къ своимъ словамъ, они указывали на Н.-Новгородъ, гдѣ въ одной Благовѣщенской слободѣ числилось за патріархомъ болѣе 600 торговыхъ и ремесленныхъ людей, не внесенныхъ въ писцовыя книги, поселившихся здѣсь «для своего промыслу и легости». А. А. Э. т. IV, № 32 (I), стр. 45.

[2]) Улож., гл. XIX, ст. 7, 6, 10. И до Уложенія существовали распоряженія относительно приписки къ тяглу торговцевъ и ремесленниковъ, жившихъ на посадахъ или вблизи, въ слободахъ, но это были лишь палліативы, получившіе значеніе общей мѣры только съ изданіемъ Уложенія. См. Лаппо-Данилевскій, «Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ со временъ смуты до эпохи преобразованій». Спб. 1890 г., стр. 166, 170.

уничтожить недостатки современной русской жизни, въ частности—жизни посадской.

Сохранились указанія, что дѣятельность правительства въ области перечисленія дворовъ въ тягло оказалась положительной, такъ что уже въ первые три года послѣ составленія Уложенія отписано было въ тягло 10095 дворовъ съ населеніемъ въ 21036 человѣкъ [1]). Каковы были успѣхи по части возстановленія выгонной посадской земли, занятой слободами и пашнями лицъ, принадлежавшихъ къ категоріи «сильныхъ міра сего»,—такихъ извѣстій до насъ, къ сожалѣнію, не дошло; но, насколько можно думать, врядъ ли Уложеніе въ данномъ отношеніи оказало плодотворные результаты, въ силу того именно, что здѣсь затрогивались интересы лицъ вліятельныхъ, которымъ приходилось поступаться тѣмъ, что они привыкли считать своимъ [2]).

Къ такому, по крайней мѣрѣ, выводу приводитъ знакомство съ однимъ случаемъ,—тяжбой г. Царевококшайска съ окольничимъ кн. В. Г. Ромодановскимъ, производившейся изъ-за выгонной земли,—который, впрочемъ, какъ фактъ единичный, не можетъ служить основаніемъ для общаго заключенія [3]).

Лѣтомъ 1649 года царевококшайскій воевода Иванъ Титовичъ Шадринъ получилъ изъ приказа сыскныхъ дѣлъ, за приписью дьяка Степана Чернышова, грамоту отъ 13 іюля, съ предписаніемъ привести въ исполненіе постановленія XIX главы Уложенія, которая почти вся и воспроизводится въ грамотѣ. По установившемуся порядку, воевода собралъ «передъ себя» земскаго старосту, цѣловальниковъ и всѣхъ посадскихъ людей и «сказалъ» имъ государевъ указъ, а затѣмъ 3 августа въ присутствіи тѣхъ же лицъ, съ присоединеніемъ къ нимъ мѣстныхъ священниковъ и дьяконовъ, приступилъ къ исполненію указа [4]). Всѣ участники «сыска» объявили, что «при прежнихъ государехъ было въ выпуске и въ выгоне къ Царевококшаскому городу земли—при этомъ ими подробно опредѣлены границы выгона—и на той выгонной землѣ блиско Царевококшаскова города деревни крестьянские, преже сего были за государемъ, а въ прошломъ во ρНЕ-мъ году (т. е. 1647 г.) отданы въ помѣстье околничему князю Василью Григорьевичю Ромодановскому [5]); да на той же выгонной землѣ, на Ноле рекѣ, сло-

---

[1]) Лаппо-Данилевскій, op. cit, стр. 171.

[2]) Изъ-за выгонной земли шли постоянные споры между посадскими г. Серпухова и властями Высоцкаго монастыря; см. Симсонъ, «Исторія Серпухова». М. 1880 г., стр. 233.

[3]) Арх. Мин. Юст., писц. кн. № 523, 7157 года.

[4]) Представителями земской власти въ то время въ Царевококшайскѣ были—земскій староста Евсевейко Ивановъ сынъ Лапшинъ и 5 цѣловальниковъ.

[5]) Деревни, отданныя въ помѣстье кн. Ромодановскому, были слѣдующія: Жукова, Пахомова, Коряковская, Вяткина, Березовская, Лапшина, Ва-

бода новокрещенская служилыхъ новокрещенъ, а торговыхъ людей и ремесленыхъ въ ней нѣтъ». Далѣе «обыскные люди» указали на четырехъ человѣкъ, которые прежде «жили во крестьянехъ за государемъ въ деревняхъ» но потомъ «вышли» оттуда, до отдачи этихъ деревень въ помѣстье кн. Ромодановскому, «на посадъ жить и въ слободы» и теперь имѣютъ тамъ свои дворы, торгуютъ, но тягла до сихъ поръ не тянули и податей не платили, что подтвердили и сами оговоренные [1]); точно также сообщены были «обыскными людьми» свѣдѣнія и относительно торговыхъ и ремесленныхъ людей, проживавшихъ въ деревняхъ кн. Ромодановскаго, — «хто имянемъ и въ которой деревне живетъ и хто чемъ торгуетъ и ремесломъ промышляетъ»: здѣсь названо ими 36 человѣкъ, причемъ десять изъ нихъ «въ отъѣздъ ѣздятъ съ товары на иные городы», т. е. вели довольно обширныя торговыя операціи [2]). Какъ и въ первомъ случаѣ, справедливость «скаски» была признана тѣми, кого она касалась.

Таковымъ оказался матеріалъ, съ которымъ приходилось имѣть дѣло царевококшайскому воеводѣ. Какъ же онъ воспользовался имъ? Торговыхъ людей, поселившихся на посадѣ, воевода приказалъ «отдать въ посадъ, въ тягло и въ службу», приведя ихъ предварительно къ крестному цѣлованью и взявъ съ нихъ такъ называемыя «поручныя записи» [3]); относительно же

раксина, Княжна; починки: Кожинъ, Марковъ, Мышинъ, Гузнищевъ, Ѳоминъ, Семенкинъ—Коровинъ тожъ, Екимки Ширшева, Игнашки Елизарьева.— Всѣ почти перечисленныя сейчасъ селенія существуютъ и теперь, сохранивъ свои названія безъ измѣненія; только нѣкоторые изъ починковъ, какъ напр., Марковъ, Кожинъ,—превратились въ деревни, и, наоборотъ, прежнія деревни стали нынѣ починками, напр., д. Коряковская—теперь починокъ Коряковъ. См. Спиридоновъ, «Населенныя мѣстности Царевококшайскаго уѣзда Казанской губерніи». К. 1898 г., стр. 17—21.

[1]) Любопытно перечисленіе «торга» этихъ лицъ, которое не преминули сдѣлать «обыскные люди»: «Незговорко Борисовъ торгуетъ шелкомъ и солью и воскомъ и рыбою и иными товары, и нынe онъ, Незговорко, въ товарыщахъ въ откупу въ таможне и на кабакѣ; Варакска Григорьевъ торгуетъ воскомъ и лошадми и иными товары; Безсонко Алексѣевъ торгуетъ рыбою и солью; Мишка Исаковъ торгуетъ солью и хмелемъ и иными мѣлкими товары»; лл. 43—44; ср. выше, стр. 2, прим. 1-е.

[2]) Изъ предметовъ торговли перечисляются: соль, хмѣль, кожи, рыба, лошади, медъ, воскъ, котлы, скотина, желѣзо, коровы, «укладъ»; ремесла и занятія: «кожевное», «рукавишное», «кузнешное», «дѣлаетъ крашенинное», «роститъ солодъ», «рыбу ловитъ», «бочкарное», «плотнишное», «горшечное», «дѣлаетъ чаны и колеса и сани»; лл. 45—48.

[3]) Присяга состоялась «по записи, какова запись прислана изъ приказу сыскныхъ дѣлъ подъ государевою грамотою, за приписью дьяка Степана Чернышева»; содержаніе же «записи» слѣдующее: «что имъ жить въ Царевекокшаску на посаде и государевы службы служити и всякие подати платить съ царевококшаскими съ посадцкими людми вмѣсте и впредь въ закладчики

выгонной земли и расположенныхъ на ней деревень—онъ велѣлъ произвести «перепись»,—«переписать особыми статьями, подлинно, порознь, тое выгонную землю и выпускъ и деревни, что на выгонной землѣ, и въ нихъ торговыхъ и ремесленныхъ людей, и пашенныхъ крестьянъ, и бобылей, и зятей, и шурей, и захребетниковъ, и пріимышевъ, и подсосѣдниковъ». Произведенная перепись дала такіе итоги: въ деревняхъ и починкахъ, «что на выгонной землѣ», оказалось 32 двора торговыхъ и ремесленныхъ людей, въ которыхъ, кромѣ ихъ самихъ, находилось еще 39 человѣкъ дѣтей, «братьи» и племянниковъ; тамъ же, сверхъ этого, проживало, въ 136 дворахъ, столько же пашенныхъ крестьянъ и бобылей, да при нихъ 179 человѣкъ дѣтей, «братьи» и племянниковъ; всего, такимъ образомъ, населеніе помѣстья кн. Ромодановскаго состояло изъ 386 человѣкъ.

Но дальше воевода не зналъ, что дѣлать; быть можетъ, впрочемъ, онъ и зналъ, но имѣлъ въ виду, что его распоряженія коснутся кн. Ромодановскаго, и потому сдѣлалъ видъ, что не знаетъ, какъ нужно поступить послѣ переписи: «а не отмежевано и граней не учинено тому выпуску и выгонной землѣ и деревень и въ нихъ крестьянъ за государя не отписано, потому что, по сколку саженъ или верстъ отъ города выпускъ и выгонную землю къ посаду отмежевать, и каковы грани учинить, и каковыхъ крестьянъ ихъ з деревнями и съ починки взять за государя, или изъ деревень вывесть въ слободы, на посадъ, и каковымъ ихъ тягломъ или службами устроить,—того въ государевыхъ царевыхъ и великого князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи грамотахъ изъ приказу сыскныхъ дѣлъ въ Царевококшаскъ не написано» [1]).

Однако и такія осторожныя дѣйствія воеводы Шадрина вызвали неудовольствіе со стороны князя Ромодановскаго, который жаловался государю, что данное ему помѣстье,—деревня Вараксина съ деревнями и съ починками,—«отписано» къ посаду, на выпускъ, «невѣдомо почему», такъ какъ самая ближняя деревня,—Вараксина,—находится въ верстѣ отъ посада, а всѣ остальныя—гораздо дальше, версты на 3, на 4, на 5 и больше; благодаря всему этому, въ его деревняхъ «учинилось разоренье»,—крестьяне перестали слушаться его людей и во всемъ имъ отказываютъ [2]).

Нечего, конечно, и говорить, что челобитная сильнаго человѣка получила удовлетвореніе: изъ Москвы увѣдомили воеводу Шадрина, что по великаго государя грамотѣ окольничему кн. Ромодановскому «велено тѣмъ по-

---

ни за ково не закладыватца и ничьими людми и крестьяны не называтца и живучи въ посаде, никакимъ воровствомъ не воровать»; лл. 37 обор.—38. См. списокъ новоприписныхъ тяглецовъ, взятыхъ въ тягло въ 1649—1652 гг. въ г. Серпуховѣ; Симсонъ, op. cit, стр. 282—293.

[1]) Лл. 67 обор.—68; ср. Улож., гл. XIX, ст. 10; эта статья включена въ грамоту, присланную въ Царевококшайскъ; см. л. 4 обор.

[2]) Какъ видно изъ предыдущаго, воевода и не думалъ «отписывать» помѣстье кн. Ромодановскаго къ посаду, а произвелъ лишь «перепись» его населенія.

мѣстьемъ и крестьяны и землею владѣть противъ прежнего государева указу какъ было за государемъ во дворцѣ, до государева указу»; крестьянамъ же предписывалось слушаться княжескихъ людей «по прежнему», «до государева указу»; рядомъ съ этимъ, воеводѣ поручалось произвести измѣреніе трехъ-аршинною саженью, «сколко отъ посацкихъ дворовъ до д. Вараксины зъ деревнями и съ починки, до крестьянскихъ дворовъ, саженъ». Вотъ что нашелъ воевода: до д. Вараксиной—300 саж.; д. Лапшиной—748 саж.; д. Вяткиной—960 саж.; д. Березовской—1400 саж.; д. Княжны—2542 саж.; до починка Гузнищева—1148 саж.; п. Ширякова—810 саж.; п. Игнатьева, что на рѣчкѣ Монагѣ,—4142 саж.; п. Якимова,—Ширшовъ тожъ,—4422 саж.; п. Коровина—3422 саж.; «а до деревень кузнецовскихъ и до починка Юшкова—прибавляетъ воевода—не мѣрено, потому что тѣ кузнецовския деревни и починокъ Юшковъ не на выпуске и не на выгонной землѣ» [1]).

Здѣсь писцовая книга прекращается, такъ что изъ нея нельзя видѣть, чѣмъ закончился споръ посадскихъ людей съ окольничимъ В. Г. Ромодановскимъ [2]); но уже самое возникновеніе пререканій, когда имъ, по точному и вполнѣ ясному смыслу 10-й статьи XIX главы Уложенія, не должно было быть и мѣста,—очень характерно и, во всякомъ случаѣ, свидѣтельствуетъ не въ пользу твердости осуществленія нормъ Уложенія на практикѣ.

В. Борисовъ.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Секретарь *Н. Петровскій.*

---

[1]) Лл. 70 обор.—72. Интересно сопоставить данныя, полученныя Шадринымъ, съ современными свѣдѣніями по этому же предмету; въ трудѣ г. Спиридонова, цитированномъ выше, показаны такія разстоянія нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ селеній отъ г. Царевококшайска: д. Вараксина—рядомъ съ городомъ; д. Лапшина—1 в.; д. Березова—$3\frac{1}{2}$ в.; д. Княжна—5 в.; op. cit, стр. 17, 19—21.

[2]) Изъ другихъ источниковъ, впрочемъ, можно вывести заключеніе, что споръ былъ выигранъ кн. Ромодановскимъ. См. статью г. Пупарева «Очеркъ разселенія русскаго племени въ Царевококшайскомъ уѣздѣ», «Каз. Губ. Вѣд.» 1857 г., № 23, стр. 201.

Казань. Типо-литографія Императорскаго университета. 1899 г.